

Д. А. Клеменц и открытие памятников древнетюркской письменности

С. Г. Кляшторный

Совместные усилия финских и петербургских исследователей Сибири и Центральной Азии привели к замечательным результатам—открытию, дешифровке и прочтению орхоно-енисейской руники, созданной в VIII веке древнетюркскими племенами. Эти памятники стали главным свидетельством существования в Сибири и Центральной Азии самобытной степной культуры, возникшей на перекрестке культурных влияний, рожденных суперцивилизациями Средиземноморья и Дальнего Востока. Одной из главных фигур в ряду первооткрывателей рунических памятников был Д. А. Клеменц.

Отчет о рекогносцировочном археологическом маршруте по Центральной и Северной Монголии и по Урянхайскому краю (Туве) летом 1891 г. бывший воспитанник физико-математического факультета Петербургского университета, бывший народоволец, политический ссыльный и консерватор музея Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества Дмитрий Александрович Клеменц прислал своему начальнику по Орхонской экспедиции академику В. В. Радлову зимой 1893 г. «Считаю долгом и здесь предупредить—пишет он в преамбуле к отчету—что я ставлю себе здесь правилом тщательно воздерживаться от каких-либо то ни было исторических соображений, так как я пишу отчет, а не монографию о развалинах Монголии; и кроме того я считаю более целесообразным предоставить комментарии к моим описаниям ориенталистам-историкам, к которым не имею чести принадлежать; работая в провинции, я лишен источников, справка с которыми необходима для подобной работы.»¹

Самооценка была чересчур скромной: археологический дневник Д. А. Клеменца оказался образцовой научной работой, и впоследствии, в 1898 г., Академия наук вновь поручила ему археологическое обследование, на этот раз Восточного Туркестана. А памятным летом 1891 г. Д. А. Клеменц стал ближайшим сотрудником В. В. Радлова и исполнителем самых трудных его заданий. Уже осенью, в Минусинске, Клеменц пишет свое первое отчетное письмо В. В. Радлову: «Окончив возложенное на меня поручение, считаю своим долгом ознакомить Вас с результатами моих работ, на первый раз в самой краткой форме, впредь до

представления отчета. По предположению я должен был от Хара-Балгасуна на Орхоне пройти в Урянхайскую землю, на верхний Енисей и собрать данные для решения вопроса—существует ли непрерывная связь между памятниками Орхона и давно известными остатками древней культуры на верхнем и среднем Енисее [...] Я должен был заметить и описать памятники, которые встретятся мне на пути, снять надписи, если таковые будут, и в то же время собирать сведения о топографии местности.»²

Те задачи, которые были поставлены перед Д. А. Клеменцем—установить степень связанности древнетюркской культуры Центральной Азии и Южной Сибири и найти археологическую границу между двумя регионами—не решены окончательно и поныне.³ Но первый вариант ее решения был предложен В. В. Радловым в немалой степени под влиянием наблюдений Клеменца.⁴

В цепи памятников, исследованных тогда Клеменцем, оказалась и группа курганов, о которых путешественник сообщает особенно подробно: «Хуни-гол мы только пересекли и по левому притоку его, Талаин-Булык, через перевал того же имени спустились к озеру Ихти-Ханын-нор, лежащему около речки Ханын-гол или Хануй [...] Верстах в четырех от озера и в полуверсте от р. Хануй мы нашли громадные развалины, к которым нестыдно приурочить и город драгоценностей. Из всех виденных мною в Монголии эти развалины самым ясным образом доказывают, что здесь был некогда город [...] Верстах в пяти от развалин, недалеко от северного конца Ихти-Ханын-нора, две каменные могилы, два орона, как говорили монголы. Могила огорожена сплошными плитами из метаморфического сланца, внутри изгороди каменные бабы без голов, очень грубо выделанные. На наружных сторонах плит высечен орнамент в виде составленных рядом вытянутых шестиугольников, подобных встреченным в Кошо-Цайдаме [...] На одной из плит на этих могилах находится небольшая руническая надпись, которую я, разумеется, тотчас же снял посредством эстампажа. За рекой Ханын-голом, на речке Дзун-Модо, нашел я еще два подобных же кургана, но без надписей. Больше подобных курганов в Монголии и Урянхайской земле, хорошо известных и часто встречающихся в Минусинском округе, я нигде не видал.»⁵

Соседство обширного городища, остатков каменных гробниц, богато украшенных орнаментом, и рунической надписи привлекло внимание Клеменца и побудило его дать первую атрибуцию всего комплекса памятников, основанную на вполне логичном сопоставлении с подобным же комплексом, хотя и бóльшим по объему—древнеуйгурским городищем Карабалгасун, близ которого Н. М. Ядринцевым был обнаружен замечательный трехязычный памятник.⁶ «Могилы, которые находятся не вдали от этих развалин,

могилы с разнообразными письменами, с каменными бабами заставляют нас—писал Клеменц в своем дневнике—признать эти развалины одновременными с древними Орхонскими [т. е. Карабалгасуном—С. К.] впредь, пока не будет доказано противного.»⁷

Наиболее подробно пишет Клеменц о своей находке в «Объяснительной записке» ко второму выпуску «Атласа древностей Монголии»: «В версте выше впадения в Хануй левого притока его Цзун-цаур находятся развалины неизвестного города, называемого местными жителями Ханын-балгасун [...] Невдалеке, к востоку от развалин, проходит невысокий кряж [...] к востоку от него, не более как в полуверсте, находится солоноватое озеро Ихи-Ханын-нор (другое название озера Айрик-нор).⁸ На западном берегу этого озера, в расстоянии от него двухсот сажен и приблизительно верстах в трех к северу от развалин находятся две каменные могилы в расстоянии пяти футов одна от другой [...] Западная, первая могила имеет в длину, с запада на восток, 8 футов и в ширину, с юга на север, 5 футов. Она огорожена четырьмя плотно сомкнутыми плитами, из которых сохранились более или менее западная и южная плиты; северная и восточная выдаются из земли всего на несколько дюймов. Высота сохранившихся плит два с половиной фута, длина южной—пять, а западной—четыре фута [...] На наружных сторонах плит выбиты украшения в виде горизонтально идущих шестиугольников. На западном конце южной плиты сохранился остаток бордюра в виде вертикально идущих с закрученными концами изображений.»⁹

В 1927 г. Бальжи Бамбаев, сотрудник этнолого-лингвистического отряда Комиссии по изучению Монголии и Танну-Тувь, вновь обнаружил могильник и надпись, а также вблизи от них огромное городище: «В трех верстах от развалин города видел тюркское погребение с орхонской надписью, что в прошлом году было раскопано местными монголами с целью найти клад.»¹⁰ Погребальное сооружение, таким образом, было уничтожено, а надпись Б. Бамбаев сфотографировал, сделал эстампаж и прорисовку; вместе с его отчетом сохранилась лишь последняя.¹¹

Мне ничего не известно о каких-либо исследованиях городища или могильника в последующие годы, также как о судьбе надписи. Д. Майдар в своем труде поместил городище под названием Хануйн-балгас в списке городищ и селищ, время существования которых не установлено.¹² Связь самого могильника с древнетюркскими погребальными сооружениями сомнений не вызывает: он вполне аналогичен поминальным сооружениям Баин-Даване-аман¹³ и Ихе-Асхета¹⁴ и так же, как они, может быть отнесен к VIII в.

Обнаруженная Ихи-Ханын-норская надпись была первым самостоятельным эпиграфическим открытием Д. А. Клеменца, от-

лично описанным и скопированным им вместе с окружающим археологическим комплексом. Мне довелось повторить обследование этого комплекса в 1974 г., после чего новое прочтение и интерпретация текста позволили установить, что для древнетюркской археологии надпись имеет немаловажное значение. Она не только дала ключ к дешифровке тюркской терминологии, связанной со строительством поминальных сооружений, но и выявила состав и характер погребального дара, посвященного родичами и близкими умершему герою. Оказалось, что в состав этого дара входили каменные столбики—балбалы, олицетворения врагов, убитых не только самим погребенным (об этом написано в китайских хрониках), но и его соратниками, ставшими после своих подвигов как бы владельцами душ своих поверженных противников.¹⁵

Маршрут 1891 г. был проложен в Северо-Западной Монголии, а затем в Туве. Вот как сам Д. А. Клеменц пишет об этом: «Мы перешли к реке Тес и, минуя Цзурский караул, прямо горами прибыли 31-го августа на Дзинзилькский караул, а оттуда на Енисей. В Урянхайской земле работы мои затянулись благодаря наступившему ненастью. Кроме того, рунические камни так разбросаны по стране, что пришлось сделать с лишком тысячу верст для переездов с места на место. Здесь снято мной 14 камней—из них четыре совершенно новые, найденные в первый раз мною. Некоторые из камней, снятых финляндскими учеными, я не смог найти. Конечно, я нашел бы их, если бы имел в распоряжении больше времени, но я должен был торопиться, так как на горах выпал глубокий снег и скоро всякие сношения с Минусинским краем должны были прекратиться. Первого октября я уплыл на плоте вниз по Енисею, благополучно прошел через Енисейские пороги и в настоящее время нахожусь в Минусинске.»¹⁶

Эстампажи 14 рунических надписей, сделанные Клеменцем в Туве, во время тяжелейшего, но плодотворного маршрута 1891 года, были использованы В. В. Радловым при издании его «Атласа древностей Монголии». Ныне они хранятся, среди прочих в составе коллекции эстампажей Орхонской экспедиции, в Рукописном отделе Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.

Д. А. Клеменц вновь возвращается в Монголию в апреле-сентябре 1894 г. Его маршруты в Центральной и Западной Монголии, богатые археологическими открытиями, на этот раз не обогатили эпиграфику. Зато в сезон 1895 г. в Восточной Монголии принес неожиданное и, как оказалось, немаловажное эпиграфическое открытие.

В мае 1895 г. Д. А. Клеменц, получив сведения о «писанном камне» в бассейне р. Керулен, предпринял поездку в Хэнтэйскую горную страну для поисков надписи. Двигаясь по долине р. Сенкир-

гол, Д. А. Клеменц нашел древнетюркские погребальные саркофаги и изваяния и вышел к долине небольшой речки Бурга сын-булак. В долине и была обнаружена скала с надписью «Хунхейн-бичикте-чоло». «Утес состоит из целого ряда громадных гранитных плит и блоков. На восточной стороне его, в половине высоты утеса, на изрытой и выветренной плите, находится чрезвычайно плохо сохранившаяся руническая надпись. На камне начерчен крюк, оканчивающийся внизу кольцом с точкой в центре. По обеим сторонам крюка находится по вертикальной строке. С каждой стороны было вычерчено по 14 букв, но по правой стороне один из знаков стерт до неузнаваемости.»¹⁷

В 1949 г. К. В. Вяткина, не зная об открытии Д. А. Клеменца, повторно осмотрела надпись и в 1958 г. издала свой рисунок.¹⁸ На основании этого рисунка совершенно произвольную интерпретацию текста предложил проф. Фэн Цзя-шэн. По его переводу надпись гласила: «Сачи сам утром услышал лебедя, желающего (найти) гнездо, желают (чтобы были) бык, конь, баран, верблюд.»¹⁹ Следует отметить, что рисунок К. В. Вяткиной весьма неточен и это отчасти объясняет неудачные попытки интерпретации. В 1975 г. я обследовал надпись, которая, несмотря на неполную сохранность нескольких знаков, читается достаточно уверенно: «Я, старший брат Оз Ингю Кыргы, имел здесь стоянку в год Крысы.»²⁰

Не вызывает сомнений, что Хэнтэйская надпись, как и другие аналогичные ей посетительские надписи древних тюрков, является своего рода памятником обычного права кочевников. Согласно принятым среди тюркских и монгольских племен нормам, право на постоянное или преимущественное пользование зимниками или летовками закреплялось какими-либо следами или знаками прежнего пребывания на тех же землях.²¹ Очевидно, что наиболее убедительным свидетельством был своего рода камнеписный «документ», превращавшийся в часть местного ландшафта и указывавший, кто и когда пользовался здешними угодьями.

Несмотря на всю значимость эпиграфических открытий Д. А. Клеменца, самая крупная находка в этой области была совершена не им самим, а его женой, Елизаветой Николаевной Клеменц. Вот что писал об этом академик В. В. Радлов: «В этом году [1897 г.] госпожа Е. Н. Клеменц по поручению Императорского Ботанического сада совершила путешествие в Северную Монголию. На обратном пути в Ургу она получила сообщение, что недалеко от населенного пункта Налайха, в нескольких верстах от реки Тола, находится большое древнетюркское погребальное сооружение и надписи на 2 каменных стелах. Она немедленно прервала обратный путь и направилась к этому месту, примерно в 20 верстах от нее. Она вполне оценила важность находки, но была лишена возможности

изготовить эстампажи. Поэтому она немедленно направилась в Ургу, которая находилась примерно в 60 верстах оттуда. Здесь она запаслась необходимыми инструментами и материалами [...] и вернулась к памятнику.»²²

После дешифровки текста надписи выяснилось, что памятник был сооружен в честь ближайшего сподвижника трех тюркских каганов конца VII—первой четверти VIII в., «советника» и «полководца» Тоньюкука. Именно текст этой надписи, вместе с надписями в честь Бильге-кагана и Кюль-тегина, содержит наиболее полное описание событий, связанных с возникновением и начальной историей второго Тюркского каганата.²³

Другой научный подвиг, совершенный Д. А. и Е. Н. Клеменц— их экспедиция в Восточный Туркестан и сделанные там археологические открытия. Именно находки древнетюркских памятников, точнее древнеуйгурских рукописей, стали побудительным мотивом этой экспедиции.

В 1896 г. Русское Географическое общество передало Азиатскому музею мешок с обрывками древних рукописей, собранных или купленных в Турфанском оазисе экспедицией В. И. Роборовского и П. К. Козлова (1893-1895 гг.).²⁴ Эти рукописные обрывки из пещерных буддийских монастырей близ Туяк-мазара и из развалин Идикутшари были первоначально разобраны А. О. Ивановским и С. Ф. Ольденбургом, а затем, в декабре 1897 г., просмотрены академиком В. В. Радловым, выделившим из коллекции четыре древнеуйгурских фрагмента.²⁵ Отмечая, что фрагменты слишком малы для идентификации, В. В. Радлов все же указал на наличие двух ранних групп текстов—деловых записей, выполненных трудночитаемым курсивом, и буддийских сутр в каллиграфическом исполнении.

Открытие рукописей побудило В. В. Радлова совместно с В. Р. Розеном и К. Г. Залеманом ходатайствовать перед Академией наук о направлении в Турфанский оазис специальной экспедиции «для исследования главным образом Туяк-мазара и Идикутшари, а по возможности и древностей других мест Турфанского края.»²⁶ Главным объектом исследований должен был, по мнению В. В. Радлова, стать Идикутшари, «столица уйгурско-буддийской культуры», где следует искать «древнейшие тюркские языковые памятники.»²⁷

В первой половине мая 1898 г. экспедиция Дмитрия Александровича Клеменца, сопровождаемого его женой и помощницей Елизаветой Николаевной Клеменц, а также Михаилом Степановичем Андреевым, впоследствии известным иранистом, отбыла из Петербурга, а в начале сентября прибыла в Турфан. В Турфанском оазисе Д. А. Клеменц стал поистине первооткрывателем древностей

севера Восточного Туркестана²⁸ Его работы подготовили вторую экспедицию (предполагалось, что ее возглавит Д. А. Клеменц и С. Ф. Ольденбург), несостоявшуюся из-за отказа правительства в финансовой поддержке. «Русским ученым—пишет С. Ф. Ольденбург—и на этот раз, как бывало и бывает нередко, пришлось отойти на время от начатого ими вполне успешно дела, которое перешло в руки иностранных, в первую голову немецких ученых, получивших в своей стране средства на экспедицию. Только много лет спустя, при условиях гораздо менее благоприятных, русским ученым удалось продолжить дело Д. А.»²⁹

Одним из важнейших результатов экспедиции Д. А. Клеменца стало открытие большого количества эпиграфических и рукописных текстов, в том числе и древнетюркских, копии и оригиналы которых были доставлены в Петербург. Отмечая достигнутые Д. А. Клеменцем «блестящие результаты при очень ограниченных средствах» В. В. Радлов выделяет пять категорий письменных памятников, обнаруженных экспедицией: (1) древнетюркские рунические надписи, процарапанные в пещерных буддийских храмах; (2) древнеуйгурские надписи черной и красной красками на кусках штукатурки из дворцовых или храмовых построек; (3) фрагменты древнеуйгурских буддийских рукописей; (4) фрагменты буддийских ксилографов; (5) древнеуйгурские хозяйственные документы. По результатам экспедиции В. В. Радлов осуществил первую публикацию древнетюркских письменных памятников из Восточного Туркестана—четырёх рунических граффити, двух юридических (хозяйственных) документов и двух небольших фрагментов буддийских сутр.³⁰

Находки В. И. Роборовского, П. К. Козлова и Д. А. Клеменца положили начало одному из богатейших в мире древнеуйгурскому собранию рукописей Азиатского музея—Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.³¹ А за Д. А. Клеменцем прочно утвердилось слава одного из создателей материальной базы современной тюркологии. И поныне остаются актуальными его слова, написанные более века назад: «После тех открытий и громадных вкладов, которые сделаны Императорской Академией наук в историю тюркских племен в Центральной Азии, мне кажется, нельзя уже отступать от этой задачи. Необходимо добыть материал для истории культуры этих племен, необходимо осветить материал, добытый чтением надписей и раскопками.»³²

Примечания

¹ Клеменц Д. А. Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 году // СТОЭ. СПб., 1895. Вып. II. С. 4.

- ² Письмо Д. А. Клеменца на имя академика Радлова // СТОЭ. СПб., 1892. Вып. I. С. 13.
- ³ Северо-Западная Монголия была долгое время ближе в этнокультурном отношении к Туве и Алтаю, нежели к Центральной Монголии, что археологически фиксируется уже для эпохи бронзы и раннего железа. См., например: Волков В. В. Основные проблемы изучения бронзового и раннего железного века МНР // Олон Улсын Монголч Эрдэмтний II их хурал, I, Улаанбаатар, 1972. С. 91-94.
- ⁴ Radloff W. *Die alttürkischen Inschriften aus dem Flussgebiete des Jenissei* // ATJM, 1895. S. 301.
- ⁵ Клеменц Д. А. Письмо... С. 16-17.
- ⁶ Ядринцев Н. М. Отчет экспедиции на Орхон, совершенной в 1889 г. // СТОЭ. СПб., 1892. Вып. I. С. 79-81.
- ⁷ Клеменц Д. А. Археологический дневник... С. 68.
- ⁸ Современное название озера — Их-нор
- ⁹ Клеменц Д. А. Объяснительная записка; табл. LXXI-LXXIX // Радлов В. В. *Атлас древностей Монголии*. СПб., 1892.
- ¹⁰ Бамбаев Б. Предварительный краткий отчет Бамбаева Бальжи о работе в этнолого-лингвистическом отряде экспедиции АН СССР по исследованию Внешней Монголии и Танну-Туву, состоявшейся в 1927 г. Архив института истории АН МНР. Рукопись, инв. № 31, л. 26.
- ¹¹ Там же, л. 9а-9б.
- ¹² Майдар Д. *Архитектура и градостроительство Монголии*. М., 1971. С. 230, № 89.
- ¹³ Владимирцов Б. Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах // *Северная Монголия*. Л., 1927. Т. II. С. 38-41.
- ¹⁴ Радлов В. В. *Атлас древностей Монголии*. СПб., 1892. Табл. XV, № 2; Кызласов Л. Р. *История Тувы в средние века*. М., 1969. С. 41.
- ¹⁵ Кляшторный С. Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах: К интерпретации Ихе-Ханын-норской надписи // *Тюркологический сборник 1974 г.* М., 1978. С. 238-255.
- ¹⁶ Клеменц Д. А. Письмо... С. 18-19.
- ¹⁷ Клеменц Д. А. Отдельная экскурсия в Восточную Монголию // *Изв. Имп. АН*. 1896. Т. IV. № 1. С. 49-50. Копии, изготовленные Д. А. Клеменцем, не сохранились.
- ¹⁸ Вяткина К. В. Кентейская руническая надпись // *Филология и история монгольских народов*. М., 1958. С. 217-218.
- ¹⁹ Фэн Цзя-шэн. Руническая надпись из Восточной Монголии (опыт расшифровки) // СЭ. 1959. № 1. С. 3-6.
- ²⁰ Кляшторный С. Г. Наскальные рунические надписи Монголии // *Тюркологический сборник 1975 г.* М., 1978. С. 156-158.
- ²¹ Ср., например, подобные обычаи у казахов: Румянцев П. П. *Киргизский народ в прошлом и настоящем*. СПб., 1910. С. 52; Марков Г. Е. *Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации*. М., 1976. С. 176.
- ²² Radloff W. Eine neu aufgefunden alttürkische Inschrift // *Изв. Имп. АН*. 1898. Т. VIII. № 1. С. 71.
- ²³ Подробнее см.: Кляшторный С. Г. *Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии*. М., 1964. С. 65-67.
- ²⁴ Роборовский В. И. Предварительный отчет об экспедиции в Центральную Азию в 1893-1895 гг. // *Изв. ИРГО*. 1898. Т. 34. С. 12.
- ²⁵ Radloff W. *Altuirische Sprachproben aus Turfan* // *Nachrichten über die der*

Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. Sankt-Petersburg, 1899. S. 55-56.

²⁶ Ольденбург С. Экспедиция Д. А. Клеменца в Турфан в 1898 году // *Изв. Восточно-Сибирского филиала ИРГО.* Иркутск, 1917. Т. 45. С. 219-220.

²⁷ Radloff W. *Altuirische...* S. 56.

²⁸ Klementz D. Turfan und seine Alterthümer // *Nachrichten über die der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan.* Sankt-Petersburg, 1899. S. 1-53.

²⁹ Ольденбург С. Указ. соч. С. 231.

³⁰ Radloff W. *Altuirische...* S. 57-83.

³¹ *Азиатский музей РАН. 1818-1918. Краткая памятка.* Пг., 1920. С. 34-37; Кляшторный С. Г. Об изучении древнеуйгурских памятников в СССР // *Исследования по уйгурскому языку.* Алма-Ата, 1970. Вып. 2. С. 54-56.

³² Клеменц Д. А. Краткий отчет о путешествии по Монголии за 1894 год // *Изв. Имп. АН.* 1896. Т. III. № 3. С. 272.

